

Лебедева Виктория Юрьевна

ПРОБЛЕМА РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ В РАССКАЗЕ В. НАБОКОВА "ОБЛАКО, ОЗЕРО, БАШНЯ"

Статья посвящена анализу проблематики одного из наиболее известных рассказов Набокова, где писатель затрагивает темы деструктивного влияния агрессивной мещанской среды и противостояния ему со стороны одинокой тонко чувствующей личности, духовной энтропии и метафизического убийства. Значительное внимание в исследовании уделяется особенностям набоксовской некропозтики, онтологии и аксиологии, а также мифологическому аспекту.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-2/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. II. С. 119-121. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 83.32

Филологические науки

Статья посвящена анализу проблематики одного из наиболее известных рассказов Набокова, где писатель затрагивает темы деструктивного влияния агрессивной мещанской среды и противостояния ему со стороны одинокой тонко чувствующей личности, духовной энтропии и метафизического убийства. Значительное внимание в исследовании уделяется особенностям набоковской некропоэтики, онтологии и аксиологии, а также мифологическому аспекту.

Ключевые слова и фразы: витальность; метафизика; мифология; смертность; символ.

Лебедева Виктория Юрьевна, к. филол. н.

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

vikkktoria2@yandex.ru

ПРОБЛЕМА РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ В РАССКАЗЕ В. НАБОКОВА «ОБЛАКО, ОЗЕРО, БАШНЯ»[©]

Одна из особенностей дискурса В. Набокова – выраженный интерес к проблеме метафизической смерти. Писатель стремился исследовать предел, за которым внешне живой человек перестает быть таковым, по сути. В его произведениях неоднократно встречается антагонизм живого / мертвого внутри межличностных конфликтов. Особенно остро он заявлен в антиутопии «Приглашение на казнь»; это же словосочетание позднее появится в рассказе «Облако, озеро, башня». Коллизии в них, разумеется, схожи – противостояние тонко чувствующей личности толпе навязчивых пошляков с их строгим коллективизмом, животной игривостью и опасной агрессией, готовой в любой момент выплеснуться наружу.

Главный герой рассказа – традиционный для Набокова русский эмигрант, выигравший на благотворительном балу билет на увеселительную поездку (которую автор саркастически назовет «увеспоездкой», отсылая к советскому новоязу). Ничем хорошим это не кончится, недаром в комментарии к рассказу отмечена достоверность переданной там атмосферы фашистских пикников с девизом «Сила через радость».

Антагонизм героев, участников поездки, – Василия Ивановича и восьми разнополых немцев, – явлен изначально и постепенно усиливается. Сначала автор-повествователь знакомит читателя со своим, как он выражается, представителем (то есть, своего рода протагонистом). Однако его портрет содержит неоднозначные характеристики. С одной стороны, он «скромный, кроткий холостяк, прекрасный работник», «милый человек», «с умными и добрыми глазами» [3]. Положительная оценка глаз – это важно, не случайно Отверстое око входит в число авторских мифологем, сопряженных с витальным полем. Зрительный контакт с миром, выходящий за физические рамки, знаменует, по Набокову, связь с бытием, актуализирующую внутренние силы и творческий потенциал. Духовные мертвецы, даже обладая хорошим физическим зрением, слепы или вовсе «безглазы» (В. Набоков). С другой стороны, дается понять, что Василий Иванович не является достаточно сильной личностью. Обращает на себя внимание эпитет «коротковатый». Случайных оценок у Набокова нет, и даже в портретах всегда просвечивает метафизика. Василий Иванович назван коротковатым в определенном контексте – когда автор говорит, что взятая в поход «фланелевая рубашка вольного фасона» [Там же] была велика ему. Писатель любит портреты с доминантой, это касается и одежды, – являемые им образы-детали тщательно выверены и нагружены онтологически. Герой не только низкоросл телом, он «не дорос» до свободы, до того состояния, когда «вольный фасон» впору. Здесь уместно вспомнить про «карантинские подштанники» [Там же] одного из членов группы. Повествователь также признается, что забыл имя и отчество героя: «Кажется, Василий Иванович» [Там же]. Приходит на ум финал более ранней «Защиты Лужина», где главный герой, называемый только по фамилии, дойдя до метафизического дна, выбрасывается из окна: «Александр Иванович, Александр Иванович?» – заревело несколько голосов. Но никакого Александра Ивановича не было» [2, с. 377]. Автор прямо указывает на неразрывную связь имени и субъектности человека. В «Облаке, озере, башне» намекается, таким образом, на возможную утрату персонажем своего «Я». Лексема «кажется» рядом с именем-отчеством призвана создать впечатление призрачности, являя еще один ракурс «коротковатости» героя.

Для набоковской онтологии характерен образ мира как пространства постоянных изменений, где поток обновляющейся жизни противостоит смертной статике и герметичности. В таком мире персонаж-полупризрак рано или поздно попадет в трансформирующую ситуацию, в результате чего или обретет недостающую витальность, или развоплотится окончательно. Л. Карасев называет это «онтологическим порогом»: «Миг неверного равновесия <...>, из которого возможно движение в прямо противоположные стороны, сменяется онтологической определенностью выбранной бытийной перспективы. В этом смысле “порог” – понятие скорее натурального, нежели символического ряда: если искать аналогии, то ближе всего к нему окажется пригожинская “точка бифуркации”» [1, с. 23].

Такой порог Василий Иванович переступает в «увеспоездке», попав в компанию пошляков, склонных навязывать свои правила. Первым из толпы «сонных спутников» (эпитет, конечно, не случаен) выделяется «долговязый блондин в тирольском костюме, загорелый до цвета петушиного гребня, с огромными, золотисто-

оранжевыми, волосатыми коленями и лакированным носом» [3]. Его «долговязость» противопоставлена «коротковатости» Василия Ивановича – сразу дается понять, на чьей стороне силовой перевес.

Тирольский костюм «предводителя» призван показать связь с традицией, и она весьма специфична – достаточно вспомнить эссе Набокова «Пошляки и пошлость»: «Мещанство возникает на определенной ступени развития цивилизации, когда вековые традиции превратились в зловонную кучу мусора, которая начала разлагаться» [4, с. 426]. Таким образом, можно утверждать, что явленная в рассказе проблема вырождения имеет историко-культурный масштаб, выходя за рамки конфликта внутри небольшой группы.

В своем эссе Набоков подчеркивает, что «законченным обывателем» может быть только взрослый, дети и подростки – лишь подражатели: «ведь попугаю быть легче, чем белой вороной» [Там же, с. 425]. При этом метафизическая смерть, в отличие от телесной – процесс продолжительный и потенциально обратимый. Спутники Василия Ивановича когда-то давно встали на путь духовной энтропии, индоктринировавшись мещанской идеологией, но их проблема в том, что они не желают с него сходить и стремятся к тоталитарному влиянию.

Являя образы духовных мертвецов, Набоков использует такой прием, как портрет с доминантой, взаимодействуя с семантическими полями «материал», «животное», «инфернальная сущность» и обозначая, тем самым, ракурсы расчеловечивания.

По мнению писателя, «автоматизм [жизни] ставит человека на уровень неодушевленных предметов» [5, с. 338]. (Современник Набокова Э. Фромм обозначил таких людей как “*homo mechanicus*” [6]). У человекомашины заблокированы способности к развитию, творчеству и глубоким светлым чувствам. В дискурсе писателя неживая материя «встраивается» в портрет духовного мертвеца либо выступает его символом. Для этой цели Набоков берет воск, дерево, металл, камень, фарфор, ткань, текстуры животного происхождения: слоновую кость, перламутр, кармин и т.д. Нос предводителя «лакированный» (отсылка к дереву), другой спутник, Шрам, имеет что-то «неопределенное, бархатно-гнусное в облике и манерах» [3], у третьего – «перламутровые когти на грязных ногах» [Там же]. Позднее, в начале конфликта, члены группы будут смотреть на Василия Ивановича «каменными глазами» [Там же].

Нельзя утверждать, что «расчеловеки» совсем пассивны и лишены чувств – просто в своей активности они ближе к животным, чем к *homo sapiens*. Зооморфные черты персонажей выведены ярко и выразительно. Предводитель назван вожаком, позже – петухом, а одна из героинь, рыжая вдова, по словам автора, чем-то похожа на него (прямая отсылка к образу курицы). Писатель подчеркивает волосатость некоторых мужчин, например, «медвежий мех» [Там же] на груди пожилого почтового чиновника. Бритье, призванное придать тому цивилизационный лоск, помогает мало – у него «щетинисто-сизые череп, подбородок и верхняя губа» [Там же]. Образ щетины заставляет вспомнить, в частности, свинью. Мифологемы петуха, медведя и свиньи / кабана / вепря схожи в таких аспектах, как воинственность, жестокость, похоть, связь с хтоническим миром. Петух также ассоциируется со стихией огня, а та, в свою очередь – с адом. Что характерно, члены группы маркируются «огненными» цветами: красным, рыжим, золотисто-оранжевым, а Василий Иванович – синим (костюм), цветом воды и неба.

Аксиологический концепт ада играет значимую роль в художественном мире Набокова. Писатель верил в инобытие и загробное воздаяние, а также в божественное и инфернальное влияние. Духовные мертвецы не только подобны бездушным механизмам и примитивны, как животные, – на них как на носителей и трансляторов смерти лежит демоническая печать. В «Облаке, озере, башне» представлен даже сквозной в набоковском дискурсе образ искусителя – это Шрам (в обратном прочтении, соответственно, – Марш), «специальный подогреватель [снова мотив огня – прим. автора – В. Л.] от общества увеспоездок» [Там же]. Зооморфных черт его портрет лишен, зато имеется красноречивый эпитет «темный», характеризующий облик в целом. Шрам вкрадчив, наблюдателен, многоречив, ловок и все держит под контролем; предводитель и почтовый чиновник – его ближайшие подручные и прямо названы «чудовищами». Их монструозность даже визуализирована, стоит вспомнить детали портретов: вожак похож на петуха, при этом волосат, «с устрашающей легкостью» носит «чудовищный рюкзак» (горб) и «цокает» «подкованными башмаками» (копыта) [Там же]; у чиновника сизый щетинистый череп, «медвежий мех» на теле и «перламутровые когти» на ногах. Сущностная схожесть членов группы предстает в восприятии Василия Ивановича очень специфично: «Все они сливались постепенно, срастаясь, образуя одно сборное, мягкое, многорукое существо, от которого некуда было деваться. Оно налезало на него со всех сторон» [Там же]. Вместо увеселительной поездки главный герой словно попадает на одно из полотен Босха.

Как отмечалось выше, духовные мертвецы небезобидны, потому что часто стремятся расширить сферу влияния. Собственную онтологическую неполноценность они пытаются компенсировать: «Обыватель любит пустить пыль в глаза и любит, когда это делают другие» [4, с. 427]. Им также присуща «неизменная страстная потребность приспособиться, приобщиться, пролезть» [Там же], стремление жить, как в рекламе с ее идеей о возможности купить счастье и, одновременно, подспудное неверие в ее «теневого, иллюзорный мир» [Там же, с. 429]. Разумеется, члены группы сразу почувствовали, что Василий Иванович не их крови. В течение всей поездки они старались сделать его как минимум равным, а, по возможности, унижить. В частности, пытались внушить, что он тоже животное, – когда Василий Иванович задремал на привале, его разбудили, «шлепая» на нем «невидимых оводов» [3], а после того, как он выразил желание их покинуть, обозвали «пьяной свиньей» [Там же].

Главный герой пассивен, не противится воздействию и, более того, подыгрывает. Спасается он эскапизмом, при первой возможности погружаясь в свои мысли и переживания, а также «ухитряясь наслаждаться мимолетными дарами дороги» [Там же] – видами, запахами, звуками: «И все-таки его драгоценные, опытные глаза примечали что нужно» [Там же]. Однако эскапизм, по Набокову, невыигрешная стратегия – она как минимум не способна защитить от вторжения грубой реальности.

Звериное чутье на слабость развязало руки членам группы: «Били долго и довольно изощренно. Придумали, между прочим, буравить ему штопором ладонь, потом ступню. Почтовый чиновник <...> соорудил из палки и ремня кнут <...>. Остальные мужчины больше полагались на свои железные каблучки, а женщины пробавлялись щипками да пощечинами» [Там же]. Эпизод призван вызвать явные новозаветные ассоциации. Можно также вспомнить, что в Новом Завете образ петуха несет значение некой решающей грани. Собственно, утреннее появление «вожака» предвзовет начало мучений Василия Ивановича. Только в его случае воскрешения не состоялось – будучи недостаточно сильным (о чем говорилось выше), герой пережил внутренний слом и переступил онтологический порог в направлении небытия. В этом ключе заявление предводителя: «Я отвечаю за каждого из вас и каждого из вас доставлю назад живым или мертвым» [Там же], – обретает зловещий подтекст.

В финальных строках Василий Иванович умоляет автора-повествователя отпустить его, говоря, что «сил больше нет быть человеком» [Там же], и тот отпускает. Так в рассказе актуализируется еще один ракурс проблемы расчеловечивания – оно предстает как процесс метафизического убийства, завершившегося, по всей видимости, суицидом – или, возможно, на одного «законченного обывателя» стало больше.

Список литературы

1. Карасев Л. В. Флейта Гамлета. Очерк онтологической поэтики. М.: Знак, 2009. 208 с.
2. Набоков В. В. Защита Лужина // Русское литературное зарубежье. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 1997. С. 193-377.
3. Набоков В. В. Облако, озеро, башня [Электронный ресурс]. URL <http://nabokov.niv.ru/nabokov/rasskaz/oblako-ozero-bashnya.htm> (дата обращения: 23.09.2015).
4. Набоков В. В. Пошляки и пошлость // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука, 2012. С. 425-431.
5. Набоков В. В. Смерть Ивана Ильича // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука, 2012. С. 333-342.
6. Фромм Э. Душа человека, ее способность к добру и злу [Электронный ресурс]. URL: http://bdsmion.com/page/Fromm_Heart_of_man_its_genius_for_good_and_evil/ (дата обращения: 23.09.2015).

THE PROBLEM OF DEHUMANIZATION IN V. NABOKOV'S SHORT STORY "CLOUD, CASTLE, LAKE"

Lebedeva Viktoriya Yur'evna, Ph. D. in Philology
Yelets State Bunin University
vikkkoria2@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the problems of one of the most famous V. Nabokov's short stories, where the writer touches the topics of destructive influence of the aggressive bourgeois environment and the opposition to it on the part of a lonely sensitive person of identity, the spiritual entropy and the metaphysical murder. Significant attention is paid to the peculiarities of Nabokov's necropoetics, ontology and axiology, and the mythological aspect.

Key words and phrases: vitality; metaphysics; mythology; mortality; symbol.

УДК 8

Филологические науки

В последнее время с изменением в отношениях между российской властью и современной православной церковью вопросы религиозной коммуникации активно обсуждаются в научных кругах. В данной статье представлены результаты нашего исследования лингвистических параметров современного православного послания, на морфологическом уровне раскрыты некоторые стилистические особенности православного послания как жанровой разновидности современного религиозного стиля.

Ключевые слова и фразы: православие; религиозная коммуникация; речевой жанр; современное православное послание; морфологическая характеристика.

Ma Ha

Нанкинский университет, Китайская Народная Республика
mana19871214@163.com

НЕКОТОРЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПОСЛАНИЯ[©]

Работа выполнена в рамках проекта «Речевой жанр русского православного послания 21 века», поддержанного грантом Программы аспирантского научно-исследовательского творчества общего высшего учебного заведения провинции Цзянсу (KYZZ15_0015)

В последние десятилетия значительные изменения в отношениях между российским государством и церковью привели к тому, что «слово священника звучит теперь не только в церковном храме, перед прихожанами, но и по радио, по телевидению; представители духовенства выступают в парламенте, на митингах, на всевозможных презентациях, освящают вновь открывающиеся школы, больницы, дома культуры; в некоторых учебных